Александр Торопцев

Ребёнок в качестве нарратора в рассказах о детях и взрослых Уильяма Фолкнера.

... Это настолько разумно и просто, что

только ребёнок и мог это придумать.

(Бабушка Миллард, героиня рассказа У. Фолкнера)

(Уильям Фолкнер. Собрание рассказов.

Изд-во «Наука». М., 1979. Пер. И. А. Кашкина. С. 426).

Введение (или Постановка задачи)

«Есть страдание...» - первая из четырёх благородных истин Гаутамы Будды. Страдают все. Но страдания ребёнка принципиально отличается от страданий взрослого человека.

Сколько раз каждому из нас приходилось слышать от людей, поживших: «За что же ты меня так, Господи!» А, действительно, за что? Жил человек, жил, зла никому не причинил, старался помогать оказавшемуся в беде, никому не мешал, дело своё честно делал, семью поднял, и вдруг накинута на него беда, одна за одной. Действительно, не понятно, за что же так бьёт его судьбушка. Другие люди нарушают чуть ли не все устои и живут себе припеваючи,

Пятилетний человек прибегает в овраг, падает в тёплую майскую траву и кричит на всю вселенную: «Господи, за что же ты меня так, я же ни в чём не виноват!» А вчера друг-сверстник спросил у него: «Как ты думаешь, Бог есть?» «Бога нет», - безапелляционно ответил мальчонка, но у него в доме никогда таких разговоров ещё не возникало. И вдруг сегодня в майском овраге душа его крикнула: «За что, Господи?!»

Он познал уже, что страдание есть, но знать он ещё не мог, что есть и причина страдания, что человек имеет право избавиться от страдания, что есть пути к этому избавлению. Он ещё не знал этих истин, но, как и любой ребёнок живущий, он был ближе любого взрослого к главной Истине, к Богу, даже не догадываясь об этой принципиальной разнице между детьми и взрослыми.

Взрослый удивляется, опираясь на опыт. Ребёнок оценивает мир и происходящее в мире, опираясь ... на свои незнания! И это главное качество человека не взрослого возраста тонко чувствовал Уильям Фолкнер, это же качество наверняка знала одна из его героинь, бабушка Миллард.

Поджигатель

Начало рассказа.

В помещении, где заседал мировой судья, пахло сыром. Мальчик, скорчившийся на опрокинутом бочонке в уголке до отказа набитой комнаты, чувствовал, что пахнет сыром и ещё чем-то; из своего угла он видел ряды полок, тесно уставленных солидными, приземистыми круглыми жестянками, ярлычки которых он читал скорее желудком, потому что буквы на них ничего не говорили его разуму, -- другое дело красные черти или серебристый изгиб рыбьих хвостов; все это -- запах сыра и чудившийся его желудку запах герметически запаянного мяса -- накатывалось волнами и ненадолго отвлекало его от другого постоянного запаха или ощущения -- не то чтобы страха, а скорее отчаяния, горя, не в первый раз яростно бившегося в его крови. Он не видел стола, за которым сидел судья и перед которым стояли отец и его враг. Наш враг, -- думал мальчик в отчаянии. -- Мой и его. Ведь это мой отец! Но он хорошо слышал их, вернее только двоих из трёх, потому что отец ещё не вымолвил ни слова. (Уильям Фолкнер. Собрание рассказов. Изд-во «Наука». М., 1979. Пер. И. А. Кашкина. С. 5).

Одно из лучших начал рассказа, которые мне доводилось читать.

- Фолкнер точно находил рассказчиков историй для своих произведений. Это особенно важно в детской литературе. История-то взрослая, но повествует о ней человек, который очень хорошо знает, понимает и чувствует главного героя, а по сути самого себя, но мир они оба (и рассказчик, и главный герой) знают очень слабо.

- Уже в экспозиции намечен характер главного героя и отношение его к семье. Отец, есть отец. Он – прав. А истец и судья – враги отца, а значит, и самого мальчика. Но пока это знание основано только на сцепке «отец – сын», и мальчик где-то в глубине души ещё не разобрался в сложности происходящего, и поэтому-то он чувствует страдание, *от постоянного запаха или ощущения -- не то чтобы страха, а скорее отчаяния, горя, не в первый раз яростно бившегося в его крови*

. Горе есть, страдание есть – вот оно перед глазами, как необъяснимый запах или даже ощущение, то есть пока ещё пред страдание. Повторюсь, страдание уже близко, но недосыгаемо близко, что и порождает отчаяние. Отчаяние нередко врывается в наши души от осознания безысходности, от незнания выхода из той или иной передряги. Нашёл выход – отчаяние растаяло. А тут только предчувствие, пред страдание, и именно

поэтому не понятно, как избавиться от него, как избавиться от предчувствия, которое может так и остаться в своём особом состоянии и не перерасти в страдание.

- Определена, пусть и намёком, главная интрига.

- Тончайший психологизм, сотканный из грубых житейских нитей, которые, в свою очередь, намечают штрих-пунктирами абрис пространства.

- И ещё есть одно симпатичное качество в этом абзаце. Мне он представляется почти завершённой литературной миниатюрой, а может быть, и завершённой. Дзуйхицу. От дзуйхицу до притчи – четверть шага. Но в нашем случае этот абзац, прежде всего, является началом рассказа.

Дранка для Господа

И этот не детский рассказ «ведёт» ребёнок, который становится одним из главных героев истории. И «взрослый мир» обретает качество, которое очень сложно передать словами пожившего человека. Взгляд со стороны наивного подростка, ещё не разучившегося удивляться. Причём, удивляться по-своему, по-детски, удивляться только что познанному, которое и сравнить ещё не с чем: «Я не знал, что такое бывает!» Взрослый же думает так: «Я не знал, что **и** такое бывает в аналогичных ситуациях». Всего одна буква «и», а разница принципиальная, хотя бы потому, что ребёнок ещё не знает этой ситуации.

Но есть и ещё одно симпатичное качество, как в этом, так и в других произведениях Уильяма Фолкнера: точное знание интеллектуальных, психологических и душевных качеств рассказчика, который у него ни разу не сбивается со своей узенькой дорожки детского мышления, что часто встречается в произведениях «взрослых» (ну это бы ладно) и даже детских писателей – а вот это обидно, потому что очень уж заметна эта фальшь, мешающая восприятию художественного произведения в целом там, где речь

детей-рассказчиков вдруг обретает черты взрослого мышления.

«...папа выворотил целый кусок крыши вокруг фонаря — как сдираешь обвёртку с молодого кукурузного початка».

Это «как обвёртку с молодого кукурузного початка» ребёнок-то ещё помнит, ещё мышечная память не затёрлась опытом взрослых. И эта память не затухла в душе Фолкнера, уж не знаю, сдирал ли он когда-то «обвёртку» или нет.

«Два солдата». «Не погибнет»

Я специально поставил эти два рассказа в одну главу. Потому что, на мой взгляд, это либо один рассказ, либо диптих, две половины которого накрепко связаны друг с другом.

Конечно же, и здесь рассказчик живописует трагедию точнейшими красками детской души, детского мышления, детской логики.

Но тема-то какая – патриотизм, война, потеря брата, который был ещё и лучшим другом! Не боюсь сказать, что тема для некоторых писателей спекулятивная, ура-плакатная, а, значит, с художественной точки зрения, мягко говоря, неподъёмная. Очень сложно быть художником в такой теме, хотя в мировой и особенно в отечественной литературе есть блистательные художественные произведения о настоящих патриотах. Но есть писатели, которые стесняются работать в этом жанре, боясь «боясь общественного мнения»: «Вот, мол, писать ничего толком не может, поэтому и занялся патриотизмом».

А то ещё бывают моменты, когда патриотическая литература находится под негласным запретом: вспомним нашу недавнюю историю, когда слово «патриотизм» было

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ

29.11.23 14:34 - Последнее обновление 29.11.23 14:43

ругательным, и патриотической литературы на прилавках не было совсем. Да и сейчас её до обидного мало.

Нельзя забывать, что даже пейзажная лирика, без которой русскому писателю один путь в некуда, пришла в упадок всё по той же причине. Природа России – одно из важнейших средств патриотического воспитания. Но средство сложнейшее.

А теперь вспомним древнеегипетскую литературу, эпос, классическую историческую литературы того же Древнего Рима и т.д. Как много там героев-патриотов, какое презрительное отношение к предателям... В глубине веков ответственные люди понимали, что, спустив на тормозах эту тему, государство обрекает себя на скорую гибель: максимум, в течение двух поколений, а то и раньше.

Фолкнер написал эти рассказы в 1943 году, когда США уже два года участвовали во Второй мировой войне. И, казалось бы, самое нужное время писать патриотические рассказы.

И в Советском Союзе такое было, и в других странах.

Но военная тема не любит спешки. Хотя бы несколько лет на раздумья, на сбор материалов, на душевное успокоение. И только в редких случаях кому-то удаётся писать войну и подобные экстремальные ситуация «с листа», по первым впечатлениям, часто обжигающим и душу, и сердце, и разум. Даже герою рассказа Акутагавы Рюноскэ «Муки ада» понадобился месяц, чтобы написать на ширме картину о том, как горела в карете его дочь.

Да, это крайний случай, да, перед Фолкнером стояла совершенно другая задача, жизнеутверждающая, помогающая людям не только выжить, но жить. А как это делать, когда у всех соотечественников глаза опущены, походки будто под водой, когда грусть подгоняется тоской, а тоска – грустью? Говорить друг другу известные с давних времён слова? Да, и это помогает выжить.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ

29.11.23 14:34 - Последнее обновление 29.11.23 14:43

Но Фолкнер в качестве успокоителя выбрал человека невзрослого возраста, который, по определению, обладает мощнейшим жизненным тонусом. Кроме этого, юный рассказчик должен быть в меру тактичным, не смотря на свой возраст, и, конечно же, наблюдательным, подмечающим те детали и психологические нюансы, которые доступны только ребёнку, что создаёт особую атмосферу.

Два солдата. Начало совсем иное, чем, например, в «Поджигателе», но и здесь есть и ребёнок, и его двадцатилетний брат Пит, который р азобъясняет младшему , что вовсе не пир храбрых, а Пирл-Харбор, и как японцы на него бомбы бросают, а там вокруг вода.

А через несколько дней война заползла в душу Пита.

А еще надо было дров запасти, но каждый вечер мы идем, бывало, к старику Килигрю и стоим на холоде, и слушаем его радио, и возвращаемся домой, и ложимся спать, и Пит рассказывает, что к чему. Это он сперва рассказывал. А потом перестал. Вроде, он не хочет об этом говорить больше. Скажет: «Отстань, спать хочу», — а сам и не спит вовсе.

И чуть позже осторожный намёк:

Ляжет в кровать, притаится, как в засаде, а я дотронусь до него — он как мёртвый, хуже железки: не шелохнётся, пока я не засну.

А потом Пита призывают в армию, на фронт. И брат-мальчонка едет на призывной пункт, к брату, на войну. Это же всем ясно: вместе всё по дому делали, вместе радио слушали, вику сеяли, вместе и воевать. Это и Питу стало ясно, когда он расхотел всё растолковывать брату, когда каменел в кровати, становился как мёртвый. Он же сам-то не скажет: «Брат, поехали вместе японцев бить, одному мне несподручно». Он гордый, все знают.

А дальше идут приключения мальчонки, решившего помогать брату воевать. Очень похожие, между прочим, на приключения всех мальчишек Земного шара, оказавшихся в

подобных случаях. И советские мальчишки убегали на фронт, и воевали за здорово живёшь даже после Постановления партии и правительства убрать детей с фронта. Воевали! До Берлина дошли.

И этот юный герой Фолкнера мог бы найти свой Берлин в той войне, до Мемфиса-то он добрался, брата нашёл, но взрослые оказались сильнее мальчонки, и посадили они его в автобус, и отправили домой.

Мы ехали между полей и лесов и ехали теперь быстро, и если бы не солдат, то я будто и в Мемфисе-то не был вовсе. И мы ехали теперь быстро. Таким ходом не успеешь заметить, как приедешь. Я подумал, что я проедусь по Французовой Балке в этой большой машине и с солдатом за рулем, и тут я вдруг заплакал. Никогда бы не подумал, а вот, поди ж ты, — и остановиться не мог. Сидел в машине с этим солдатом и плакал. И мы ехали быстро.

На мой взгляд, эта сценка в устах взрослого рассказчика не смогла бы передать душевное состояние ребёнка, пока ещё ребёнка.

«**Не погибнет**». А потом было ожидание, долгое или короткое – да кто же его поймёт, когда похоронка шла за похоронкой. И вдруг пришла похоронка в их дом. И начался второй рассказ. И мальчонка вдруг и сразу повзрослел. И «речь» его обрела взрослость, и ещё и в этом силен Фолкнер. Да, мальчонка повзрослел, но детское и детскость не могли так быстро покинуть его. И «заговорила» душа его, будто исповедовалась перед кем-то, взятая на разрыв, оказавшаяся между взрослым и детским мирами. Как раз в центре жизни. И рассказчик, не имея возможности, да и желания сопротивляться этому своему новому положению, и в речи своей оказывается то там, то здесь. И поэтому-то ему, юному-взрослому рассказчику доверяешь полностью.

Мы оплакивали Пита только один день: был апрель, самое горячее время сева, и была земля, семьдесят акров — наш хлеб, кров и очаг, — земля, которая пережила Гриеров, удобривших ее своим потом; пережила Пита, трудившегося на ней; и переживет нас, если и мы не предадим ее.

Вроде бы пафос. Но из уст подростка он воспринимается, уж, простите, без пафосно.

И в Советском Союзе, было много таких мальчишек, которые, оставшись единственными (или самыми взрослыми) мужчинами в семьях, моментально выросли и становились опорами для родных. И тянули они этот «семейный» воз безропотно, и вытягивали они его из жизненных болот. И девчонки такие были, и жаль только, что подзабывать мы стали их, беспечные.

Возвращаясь к Фолкнеру, нужно сказать, что даже своеобразный гимн Америке в устах рассказчика не звучит пафосно, а если и пафосно, то любой гражданин США имеет на это право.

Я знал их: все ещё могучие семьдесят пять лет спустя, и дважды семьдесят пять, и во все грядущие годы: все ещё могучие, все ещё опасные, рвущиеся на запад, восток, север, юг; и вот все, за что они сражались и ради чего гибли, слилось в одно слово, прогремевшее, как гром. Это слово — Америка, и оно объяло всю эту землю.

Вот будет здорово

Рождественская шутка. Ребёнку сложно шутить на взрослый манер. Но и в этой шутке рассказчик находится между двумя мирами, взрослым и детским, и подмечает он детским умом совсем не детские детали, как, впрочем, во всех предыдущих и последующем рассказе.

Начинает он так:

Слышно было, как в ванной льётся вода. А подарки были рассыпаны на постели, мама завернула их в цветную бумагу и подписала, чтоб дедушка сразу знал, чего кому, когда будет их снимать с ёлки. Всем были подарки, только дедушке не было, потому что мама сказала, что дедушка уже совсем старенький, ему не нужно подарков.

Мама-то, конечно, плохого не пожелает, она знает, что старенькому дедушке нужно, а что нет, но рассказчик-то ребёнок, ему взрослые знания и выводы не понятны. Джорджи точно знает, что дедушку подарком обделять грешно. И его сестрёнка Роза, и он сам не могут такого допустить. Но дел-то столько предпраздничных навалилось, нужно и то успеть, и это, а ещё нужно где-то найти подарок, а он не ищется, а жизнь бежит.

И вдруг в суете дел брат с сестрёнкой увидели на дереве опоссума. И герой-рассказчик: *«... ждать не стал. Я как припустился к дому, а Роза бежала за мной и кричала: Эй, Джорджи! А ну, стой! — а я бежал и не останавливался. Сейчас достанем лестницу, поймем опоссума и подарим его дедушке напридачу к говяжьему боку, даже и десять центов не надо тратить, а дедушка, наверно, мне тоже даст четвертак, ещё двадцать я получу от дяди Родни, и станет у меня двадцать один четвертак, вот будет здорово.*

И в этом абзаце, с одной стороны, радость любого ребёнка планеты, а, с другой стороны, радость, присущая американскому ребёнку, пусть и очень доброму, и ещё совсем не взрослому, но уже прагматику с головы до ног: о подарках всем родным думай, но о собственном центре не забывай. А уж о четвертаке – тем более.

Прагматизм является доминирующей составляющей мышления американского человечества. Прагматизм везде и всюду. И удивительно, но американских писателей долгое время не мог поразить вирус прагматизма. И столь же удивительно, что уже Вашингтон Ирвинг, автор «Истории города Нью-Йорка», по сути своей реалистического романа, пусть и юмористического, и с некоторыми тайностями, является автором одних из первых в современной литературе мистических рассказов.

Мистицизм в первой половине XIX века стал быстро распространяться по всему пишущему миру. Но даже в прагматической американской литературе этот жанр, во-первых, не отодвинул в сторону другие жанры, а, во-вторых, долгие десятилетия, до начала второй половины XX века, он, практически во всех произведениях американских писателей, был совсем рядом с реализмом, причём на вторых ролях. Как, собственно, и должно быть. Мистика с нами, мистика в нас, мистика вокруг нас, и подавляющее большинство писателей ещё совсем недавно писало мистическое будто с природы, будто они сами пожилы в том мире, или, говоря словами Фолкнера, забредали «по ту сторону» реального мира. Так называется шестая, последняя (заметьте, последняя) часть «Собрания рассказов».

Фолкнер наверняка знал, что ребёнок гораздо ближе к мистике, к чудесам, к чудесному объяснению тех или иных событий. Но при этом он остерег юного читателя и себя самого от увлечённости мистикой, хотя и в обозначенной части «Собрания рассказов», и в других произведениях, и особенно в своём четвёртом романе «Шум и ярость» писатель уходит «по ту сторону». И, что важно для данной темы, его литературный ребёнок очень близко подходил внутренне к мистическому. Вспомним его состояние в рассказе «Поджигатель»: *Но все-таки он слышал, и в этой тесно набитой комнате, где не было слышно ни звука, кроме спокойного и напряжённого дыхания, он почувствовал себя так, как было, когда он на длинной виноградной лозе раскачался над оврагом, и на самом размахе его вдруг наступило бесконечное мгновение, цепящее своей значительностью, словно выхваченное из времени.*

...

И время текучей волной вновь нахлынуло на него, сквозь запах сыра и запаянного мяса нахлынули голоса, и страх, и отчаяние, и все та же давнишняя боль.

Фолкнер вывел своего героя из «потустороннего» состояния. И правильно сделал, не было никакой нужды испытывать юного человека мистическим бредом. В жизни бы разобраться, такой непонятной, загадочной и в этой загадочности куда мистичней любой надуманной мистики.

Моя бабушка Миллард, генерал Бедфорд Форрест и битва при Угонном ручье

В «Собрании рассказов» есть, на мой взгляд, знаковая для всего творчества Фолкнера и его «Йокнапатофы» - пятая Часть под названием «Нейтральная полоса». Во-первых, он поместил вымышленный округ на «Пространственной Нейтральной полосе», которая формирует очень сложные и очень сильные характеры людей, способных выживать в суровых условиях. Именно о них подумал один из героев романа «Свет в августе»: *«Похоже, что человек может выдержать почти все. Выдержать даже то, чего он не сделал. Выдержать даже мысль, что есть такое, чего он не в силах выдержать. Выдержать даже то, что ему впору упасть и заплакать, а он себе этого не позволяет. Выдержать – не оглянуться, даже когда знает, что оглядывайся не оглядывайся, проку все равно не будет».*

Именно так и живут, выдерживая всё, люди на разных Пространственных Нейтральных полосах: Земношарных, Межобластных, Межрайонных, о чём свидетельствует и мировая история, и примеры из художественной литературы, и, уж извините, мой личный жизненный опыт.

Йокнапатофа – Районная Пространственная Нейтральная полоса. Город находится на Севере штата Миссисипи, который на юге граничит с Мексиканским заливом, то есть, в свою очередь, является пограничным штатом. Любое пограничье – Нейтральная полоса. От Йокнапатофы до центра штата – ехать, да ехать. Хоть и на автобусе, а хоть и на своей машине, да не наездишься.

Существуют и Временные Нейтральные полосы разных масштабов: от вековой до Кали-юги, прекрасно описанной в «Махабхарате». Очень часто Временные Нейтральные полосы завершаются социально-политическими взрывами, а то и Гражданскими войнами. Трудно жить, когда старый мир уходит, но ещё не ушёл, а новый мир приходит, но ещё не пришёл, и не понятно, придёт ли вообще. Эта неопределённость порождает в душах даже сильных людей, даже тех, кто может выживать и выживает в самых жёстких условиях, сильную сумятицу, которая иной раз приводит их зачем-то в станы то «новых» людей, то «старых». Именно так – зачем-то, потому что мало кто из них понимает суть происходящего, но даже те, кто понимают, часто путаются, с кем же идти дальше. Наш Григорий Мелехов – яркое тому свидетельство.

Уильям Фолкнер описывает людей Пространственной Нейтральной полосы, посеянных во Временные Нейтральные полосы. Когда жить совсем неспокойно.

Гражданская война – сомнения и неопределённость. И не отсидишься даже в самом удалённом округе, даже в самой глубокой яме, и не спрячешь в ней нажитое годами непосильного труда добро, добро, не как роскошь, а как хоть какая-то надежда на то, что не придётся вновь тратить годы на это самое столовое серебро и вообще – на стабильное существование, на жизнь.

Некоторые специалисты почему-то считают, что будто бы все герои того же романа «Свет в августе» являются неудачниками и даже изгоями общества. Но они не изгой В Нейтральных полосах, и пространственных, и временных, формируются люди, принципиально отличающиеся от тех, кто живёт в цивилизационных центрах, кто их не понимает, не чувствует, не хочет из-за сытой лени вникать в душевные тайны «нейтралов», обзывая их разными, не очень хорошими, и, главное, неточными словами.

Это не изгой. Это сильные люди, потерявшие в своих сомнениях, как в густых,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ

29.11.23 14:34 - Последнее обновление 29.11.23 14:43

непролазных дебрях жизни. В рассказе «Моя бабушка Миллард...», как раз и поведано о том, как сложно жить в Пространственной временной полосе, да ещё и во время Гражданской войны. Причём, подчёркиваю в очередной раз, *устами совсем юного человека*, которому и знать-то не хочется о сказанном выше, у него и своих дел хватает.

Третий рассказ в «Собрании...» называется «Высокие люди». Да, среди обитателей Нейтральных полос, повторяю, и временных, и пространственных, очень много «сильных людей», «высоких людей». Великая степь дала им термин «люди длинной воли». Мне кажется, что эти термины синонимичны. И, конечно же, они не имеют никакого отношения к изгоям и прочим людям, запутавшимся и отринутым изнеженным обществом. О них пишут другие мастера, но Фолкнера в основном интересовали «высокие люди».

Однако вернёмся к внукам «бабушки Миллард». О, дети! Они каждый день носили семейное серебро из дома в яму, а затем обратно и даже не догадывались, что это действие является чуть ли не самым сильным воспитательным средством. Они просто жили своей жизнью и одновременно жизнью взрослых, и то, и другое формировало в них людей, которые, способны выдержать всё.

Мы уже привыкли к тому, что идет война. Мы относились к ней, как к чему-то постоянному, установившемуся, вроде как железная дорога или река; она двигалась на восток от Мемфиса вдоль железнодорожных путей, а на юг вдоль Миссисипи к Виксбергу. Мы наслушались рассказов о том, как янки грабят; большинство людей вокруг Джефферсона тоже готовились побыстрее закопать серебро, хотя я не думаю, чтобы кто-нибудь так в этом практиковался, как мы. Но ни у кого из тех, кого мы знали, не было даже родственников, которых бы ограбили, и я не думаю, чтобы и Люций ждал прихода янки.

Между прочим, такие хитрованы Люции жили-были во всех странах, и во всех Нейтральных полосах. Они делали деньги на любой беде своих соотечественниках. Но в данном случае опять же важно отметить это такое щадящее, но всё-таки презрительное отношение рассказчика к Люцию.

В этом рассказе, как и во всех произведениях Фолкнера, нельзя не заметить ещё одной важной составляющей писателя и личности: отношение к неграм, которые и «выдержали

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ

29.11.23 14:34 - Последнее обновление 29.11.23 14:43

всё», и перетерпели, и уже устремились к вершинам духа. Уже на плантациях юга США, в том числе и в Миссисипи зародился и напитался духовной силой спиричуэл (1860), уже блюз перенял у него эстафетную палочку (1880), уже джаз обрёл мощный голос (1900-1920), уже все чаще негритянские боксёры заявляли о себе и рвались в бой с белыми боксёрами за самые высокие титулы. Нельзя забывать и том, что негры США, родившиеся до 1897 года (год рождения Фолкнера), уже дали миру крупных, а то и великих людей в самых разных сферах жизни!

Но в эти же годы, процветал, Суд Линча, жертвами которого чаще всего становились негры. Стоит напомнить, что по официальным данным последний Суд Линча был совершён аж в 1981 г. в городе Мобил, штат Алабама. И лишь 29 марта 2022 г. законом, одобренным обеими палатами Конгресса США, линчевание было признано отдельным уголовным преступлением и квалифицировано как преступление на почве ненависти.

А какое отношение эта проблема имеет к заявленной теме? – Да самое прямое! Потому что во многих произведениях американских писателей, в том числе и Фолкнера, «жили-были» негры. И от того, как эта тема звучала в тех или иных историях, рассказах, повестях, романах, зависело многое, особенно в деле воспитания детей.

Нельзя сказать, что все американские писателя бросались на баррикады, особенно во времена Фолкнера, но, коротко говоря, их отношение к неграм было человечным, особенно, подчёркиваю, когда писатель использовал в качестве рассказчиков детей.

Конечно же, это – тема отдельной работы.

Некоторые другие произведения

Дети играют свою роль и в рассказах «Дядя Вилли», «Когда наступает ночь», «Справедливость», «Ухаживание», «Полный поворот кругом» и даже «Нагорная победа», героями которого являются совсем ещё молодые люди, вчерашние подростки.

И даже роман «Шум и ярость», потому что в нём особая роль отдана Кэдди, сестре трёх братьев Компсон, когда она была в возрасте русских барышень, а затем и её дочери Квентине в том же нежном возрасте. Кроме того, нельзя забывать и о том, что роль одного из рассказчиков романа (причём, первой его части) отдана Фолкнером идиоту Бенджи, который в силу своей болезни находится в вечном детстве.

Но, осмелюсь предположить, что в этих произведениях роль детей высвечена не так ярко, как в упомянутых в докладе рассказах.

Библиография

Фолкнер, Уильям. Рассказы. Медведь. Осквернитель праха. М., 1986.

Фолкнер, Уильям. Свет в августе. Особняк. М., 1975.

Фолкнер, Уильям. Святилище. Роман. М., 1992.

Фолкнер, Уильям. Собрание рассказов. М., 1979.

Фолкнер, Уильям. Собрание сочинений. В шести томах. Тома 1-6. М., 1985-1987.

Фолкнер, Уильям. Шум и ярость. Осквернитель праха. М., 1990.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ

29.11.23 14:34 - Последнее обновление 29.11.23 14:43